

**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ
ПРОЗЫ В.С. СОЛОВЬЕВА («НА ЗАРЕ ТУМАННОЙ ЮНОСТИ»)**

Статья посвящена исследованию художественных особенностей автобиографического произведения В.С. Соловьева «На заре туманной юности». В ней рассматривается специфика автобиографического героя Соловьева, художественное своеобразие его автобиографического повествования, традиции мемуарной литературы, унаследованные и переосмысленные писателем.

Ключевые слова: жанр автобиографии, мемуары, художественная специфика, литературная традиция, автобиографический герой, художественные приемы.

На протяжении XIX века интерес к жанру автобиографии в русской литературе был особенно велик. Воспоминания писали люди, чья жизнь оказалась связанной с теми или иными знаменательными событиями, но было создано множество автобиографий и «обычными» людьми. Кроме непосредственно автобиографий писались художественные произведения, носившие ярко выраженный автобиографический характер. Владимир Соловьев, известный философ, поэт и критик, также обращался к этому жанру, предельно открытому для отражения внутренних жизненных процессов, изменений человеческой личности. Помимо «Автобиографии» он написал рассказ «На заре туманной юности», посвященный событиям периода своей молодости.

Автобиографическая проза Соловьева чрезвычайно редко удостоивается внимания исследователей. За исключением биографического очерка С.М. Лукьянова и кратких комментариев к публикациям самих текстов, пожалуй, нет ни одной работы, сколько-нибудь подробно и целенаправленно рассматривающей автобиографические произведения философа. Тем не менее такая необходимость, на наш взгляд, существует и объясняется, во-первых, значимостью фигуры самого Соловьева, его художественного наследия в формировании духовно-творческого облика России рубежа XIX–XX веков. Во-вторых, изучение автобиографических произведений Соловьева позволяет восстановить общую картину бытования жанра автобиографии в русской литературе конца XIX столетия, накопленные к этому периоду традиции, востребованные на протяжении последующих десятилетий. Данная работа, исследующая художественное своеобразие воспоминаний Соловьева «На заре туманной юности» в контексте художественных исканий русской автобиографической прозы 1890-х годов, — одна из первых попыток дать развернутый анализ этого автобиографического произведения писателя.

«На заре туманной юности» — небольшая по объему мемуарная зарисовка с довольно ординарным на первый взгляд сюжетом — была впервые напечатана в журнале «Русская мысль» в 1892 году. Произведение построено как «рассказ в рассказе», повествующий об истории знакомства героя с некой молодой дамой, которую он слу-

* © Юрина Н.Г., 2011

Юрина Наталья Геннадьевна (makarova-ng@yandex.ru), кафедра русской и зарубежной литературы Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева, 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск ул. Большевикская, 68.

чайно встречает в вагоне поезда, а потом пронесит память об этом событии через всю жизнь. Незначительное, казалось бы, происшествие способствует духовному развитию личности автобиографического героя, что становится главной доминантой сюжета.

Герой «На заре туманной юности» чрезвычайно похож на Соловьева реального. Характер его личности (поэта и философа), общественно-философские идеалы близки автору в юности. Соловьев изображает свою поездку в Харьков в мае 1872 года, воспроизводит некоторые психологические перипетии истории его юношеской влюбленности в кузину Е.В. Романову, ставшую прототипом возлюбленных героя. Как отмечал С.М. Лукьянов, «прозаическая обстановка происшествия... остается еще недоступной для биографов Соловьева» [1, с. 284]. Безусловно, все содержание рассказа не является точной автобиографической записью. Однако биограф не исключал пережитой Соловьевым по дороге в Харьков «вспышки телесной страстности, осуждаемой самим героем» и «озарения чистым любовным чувством, совершенно свободным от уступки какому-либо низменному началу» [1, с. 284]. Именно они могли привести девятнадцатилетнего юношу к выводу, что не везде же «одно страдание», что при наличии действительного любовного воодушевления можно не только совершенно забыть про себя, но и понять нечто лучшее, чем пустопорожнее «самоотрицание воли».

В то же время различие между Соловьевым и его героем, не названным по имени, для автора более чем очевидно. В своих воспоминаниях он смотрит на себя через долгие два десятилетия, умудренный жизненным опытом, устоявшийся в мировоззренческом плане, реализовавший себя в различных областях деятельности. Конечно, он во многом переосмысляет факты своей молодости, излагает их с иронией, усмешкой. Его герой – юноша-романтик, надевший маску человека разочарованного, нигилистически вззирающего на мир, – это прежде всего плод творческой фантазии. Таковы у Соловьева главные герои его пьес «Альсим» и «Белая Лилия», стихотворения «Три свидания», написанного на основе реальных событий.

Если сравнить с рассказом поучающе-пафосные эпистолярные рассуждения Соловьева начала 1870-х годов, адресованные Кате Романовой, различия между автором и героем станут еще более значимыми. В одном из писем к своей кузине Соловьев-юноша писал: «С тех пор, как я стал что-нибудь смыслить, я сознавал, что существующий порядок вещей... далеко не таков, каким *должен* быть, что он основан не на разуме и правде, а напротив, по большей части на бессмысленной случайности, слепой силе, эгоизме и насильственном подчинении... я... обязываюсь посвятить всю свою жизнь и все свои силы на то, чтобы это преобразование было действительно совершено... Сама истина, т. е. христианство... сама по себе ясна в моем сознании, но вопрос в том, как ввести ее во всеобщее сознание...» [2, с. 87–88]. В произведении герою приписывается та же идея, но автор явно иронизирует, сталкивая контрастные суждения идеалиста и ординарную, почти бытовую ситуацию: «Я должен был сказать ей приблизительно следующее: “Милая Ольга, я люблю тебя и рад, что ты любишь меня также. Но я знаю, и ты должна это узнать, что вся жизнь, а следовательно, и цвет жизни – любовь, есть только призрак и обман. Мы безумно стремимся к счастью, но в действительности находим одно только страдание... Я познал истину, и моя цель осуществить ее для других: обличить и разрушить всемирный обман...”. Вот что я намеревался сказать хорошенькой семнадцатилетней Ольге» [3, с. 461]. Верность девятнадцатилетнего Владимира Соловьева идеалам христианства сохраняется, но излишне серьезное отношение к жизни смягчается шутливостью тона и самоиронией.

Одним из главных способов самораскрытия героя в рассказе служит психологизм. Психологизм у Соловьева проявляется через использование автором приемов психо-

логического параллелизма, внутреннего монолога, воспроизведение душевных процессов. Чувства героя нам предельно ясны: он подробнейшим образом объясняет и комментирует их: «На следующее утро я был мрачен и угрюм... Стыд и позор! Я – пессимист и аскет, я – непримиримый враг земного начала – без боя, без малейшей попытки сопротивления – хуже того – с какою-то радостною готовностью и предупредительностью уступил этому земному началу... Я... искал и мог хотя на мгновение находить блаженство в объятиях едва знакомой, но, очевидно, пустой и совершенно необразованной женщины» [3, с. 467].

Можно говорить о лиризме автобиографического повествования. Автор обращается к крайним эмоциональным состояниям своего героя – безысходной тоске, неистовой страсти, раскаянию, благодарности. Отсюда – особая экспрессивность, риторичность речи в его воспоминаниях. Торжественный и возвышенный строй мыслей автобиографического героя представлен с помощью ритмической организации повествования, его поэтизации: «Я высунулся в окошко. Из густого садика, примыкавшего к станционному дому, сильно пахло сиренью. Крестьянские девочки предлагали букеты ландышей. Что-то звенело вдали. В маленьком флигеле играли на фортепиано, а на площадке в углу садика компания туземцев обоего пола сидела за самоваром и весело разговаривала» [3, с. 463]. Короткие предложения с прямым порядком слов убыстряют ритм, способствуют отражению какой-то особой остроты ощущений героя в это утро, восприятия им каждой мелочи, каждой детали окружающего мира. Особый интерес к душевным волнениям, противоречивость характера автобиографического героя, его постоянная рефлексия, многообразие внутренних жестов («на душе было тихо и хорошо», «я готов был ее возненавидеть», «я притворился огорченным», «я заставил себя быть с нею любезным» и т. д.) позволяют создать образ глубокой, впечатлительной, поэтической натуры.

Самосознание героя проявляется, в частности, через портретное изображение других лиц, их характеристику. Соловьев не дает развернутого портрета самого героя, зато он достаточно подробно описывает объекты его юношеской влюбленности, тем самым характеризуя его вкус, настроение, житейские пристрастия и т. д. Сначала это «голубоглазая, но пылкая» Лиза, то «серьезно смотрящая своими большими глазами», то «улыбающаяся с явным лукавством», то «звонко смеющаяся». Она порывиста в своих движениях, переменчива, чем-то напоминает тургеневскую Асю: то «крепко сжимает руку» героя, то неожиданно целует, то убегает, то зовет с собой. Эта непонятая тайна девушки лишает героя самообладания, тем более что он «при всем своем гордом виде был до крайности робок» [3, с. 460]. Затем это «хорошенькая» Ольга, к которой герой едет в Харьков с важным разговором, объясняющим суть их отношений. Портрет ее важен для подчеркивания мечтательности главного героя, часто выпадающего из жизненной реальности: «Она была вовсе не похожа на ту нежную, полувоздушную девочку, которая осталась в моей памяти от нашего последнего свидания в деревне... Теперь это была совсем взрослая и нарядная девица с развязными манерами. Она так смело и пристально смотрела на меня своими черными, немного покрасневшими от солнца и ветра глазами, в ней было что-то решительное и самостоятельное» [3, с. 472]. Наконец, это попутчица Julie. На первый взгляд она невыгодно отличается от двух первых девушек. Она не так молода, замужняя дама. В отличие от Лизы и Ольги, контрастных по внешности («белокурая» и темноволосая; светлоглазая и темноглазая; порывистая, живая и невозмутимо спокойная), Julie занимает промежуточное положение. Соловьев намеренно подчеркивает заурядность ее внешности: «Она была небольшого роста, худенькая и очень стройная. Лицо у нее было далеко не красиво, с неправильным носом и широким ртом. Но когда она ласково взглядывала

своими светлыми глазами, это некрасивое и простое лицо становилось чрезвычайно привлекательным. Не то чтобы ее взгляд был особенно выразителен, но в нем было что-то более глубокое, чем мысль, какой-то тихий свет без огня и блеска...» [3, с. 460]. Julie, пожалуй, – типичный образ роковой женщины-загадки, встреча с которой, как правило, ожидает героев-романтиков.

Одним из приемов психологического анализа в автобиографической прозе Соловьева является импрессионистическая передача впечатлений о внешнем мире. Импрессионизм проявляется в изображении ярких красок окружающих предметов, цветовых, визуальных, звуковых ощущений, что позволяет зафиксировать нюансы чувств автобиографического героя, идентичность состояния его внутреннего мира и природы: «На Харьковском вокзале я оставался с нею до последнего звонка. В минуту отхода поезда она высунулась в окно и *протянула мне обе руки*. Ночь была *темна*, никто не обращал на нас внимания. Разве какая-нибудь сантиментальная звездочка пожалела обо мне, заметив сверху, как обильные *горячие слезы* текли из моих глаз на эти милые *нежные* руки» (курсив мой. – Н.Ю.) [3, с. 471–472].

Очевидно, что воспоминания «На заре туманной юности» оформлялись под влиянием уже сложившейся традиции мемуарно-автобиографической литературы XIX века. Конечно, было бы явной натяжкой искать какие-либо творческие параллели с автобиографическими произведениями, например, А.И. Герцена, С.Т. Аксакова, Л.Н. Толстого, А.А. Григорьева. Соловьев не был исторически, духовно и эстетически близок этим авторам, не имел обширного опыта в области автобиографического жанра (активная его разработка, наверное, могла бы подтолкнуть к внимательному изучению предшествующей традиции). И если говорить о каком-либо влиянии предшественников в этом аспекте, то оно явно будет опосредованным, а найденные сходства произведений будут типологическими. Соловьев унаследовал общие традиции русских автобиографий середины XIX столетия – тяготение к углубленной психологической разработке образов, внимание к потаенным пластам человеческой психики (особенно у Л.Н. Толстого), воссоздание отдельных исторических реалий, несущих информационную функцию (особенно у А.И. Герцена).

С другой стороны, интересно проследить творческие переключки с автобиографическими текстами, созданными практически в одно время с соловьевским. Причем авторами, которых он не только глубоко ценил, но знал лично (даже направлял их творчество). В 1890 году были созданы «Мои воспоминания» А.А. Фета и «Старина и мое детство» Я.П. Полонского.

Произведения Фета и Полонского относятся к жанру воспоминаний, тяготеющих к беллетризованной форме. «На заре туманной юности» также беллетризованное воспоминание. Описанный в рассказе эпизод не столько воссоздает события юности Соловьева, сколько отражает его настрой, состояние эмоционального мира того времени. Он, конечно, рисуется посредством вымысла. Романтическая история «случайной» роковой встречи, где он и она молоды, полны жизни, но не свободны (героиня замужем, герой имеет «невесту»), не поняты окружающими, широко распространен в литературе. Их отношения завязываются мгновенно, подогреваются весенним дурманом, наконец, скрепляются взаимным «спасением», совместным прохождением через опасную ситуацию. Сначала он «спасает» ее от компании пьяных актеров («Можно мне спрятаться за вас от этих господ? Они такие ужасные» [3, с. 464]), затем она сохраняет ему жизнь, оказавшись рядом в опасный момент. «Только что я, пройдя вперед моей дамы, хотел ступить на вторую чугунную доску между вагонами, как вдруг потерял сознание... – пишет Соловьев. – Потом мой новый приятель, видевший нас через отворенную дверцу и поспешивший на помощь, рассказал мне, что я,

наверное, упал бы в пространство между вагонами и непременно был бы раздавлен поездом, бывшим на всем ходу, если бы не “эта барынька”, которая схватила меня за плечи и удержала на площадке» [3, с. 464].

Для Я.П. Полонского и А.А. Фета как представителей поэзии «чистого искусства», отмечала Е.Г. Новокрещенных [4, с. 13], характерно наличие параллелизма природного и душевного. Природа вступает в тесный контакт с внутренней жизнью поэта. При всей конкретности описания деталей природа как бы растворяется в авторском лирическом чувстве: «После знойного утра, в течение которого неудачная охота заставляла еще сильнее чувствовать истому, — читаем у Фета, — небо вдруг заволочло, листья, как кипящий котел, зашумели под порывистым ветром, и косыми нитями полился ледяной, чисто осенний дождик. Случайно мы были с Тургеневым недалеко друг от друга и потому сошлись и сели под навесом молодой березы... Мокрые на мокрой земле сидели мы под проливным дождем» [5, с. 361]. Возвышенный строй мыслей автобиографического героя передается темповой организацией повествования, поэтическими сравнениями, многочисленными эпитетами. Поэтическое мировидение, безусловно, отразилось и в воспоминаниях Я.П. Полонского. Это проявляется в особом восприятии мира, наблюдениях за чувствами, эмоциями героя, экспрессивности, сочетающейся с субъективностью повествования: «В комнату вбежали мои кузины... и вместе с ними Наденька. Можете вообразить мой ужас, когда они стали надо мной смеяться, а она, мало того что звонко захохотала, ухватила за мое одеяло и стала его стаскивать. Я тоже за него уцепился, не давал с себя стащить и кричал: уберите, уберите! Боже мой, как мне было стыдно и в каком я был отчаянии!» [6, с. 307–308].

Автобиографическая проза Соловьева — это тоже проза поэта. Реплики здесь эмоционально окрашены, душевный мир героя показан в развитии, язык метафоричен («большая фантазия», «бессонный бред», «роща кротко улыбалась золотыми своими верхушками» и т. д.). Состояния природы и внутреннего мира «я» у Соловьева тождественны. Происшествие с героем приходится на конец мая, когда «сильно пахло сиренью». В эту пору расцвета чувства напряжены до последней степени, ощущения обострены, а окружающие звуки становятся неестественными: «что-то звенело вдали» [3, с. 463]. Таким образом, природа одушевляется, растворяется в лирическом чувстве героя.

Обратим внимание также на повторяемость в автобиографической прозе Соловьева его поэтических образных формул. Выражение «тихий свет», которое автор употребил для характеристики необычного взгляда Julie, присутствует и в его поэзии. Например, в стихотворении «Вся в лазури сегодня явилась...» («Тихим светом душа засветилась...» [7, с. 61]). А эпизод прозрения автобиографического героя, когда любовь к женщине приводит его к совершенно новому видению всего мира, в разных вариациях повторяется в поэзии Соловьева неоднократно. Ср.: «Тут же, очнувшись, я видел только яркий солнечный свет, полосу синего неба, и в этом свете и среди этого неба склонялся надо мной образ прекрасной женщины, и она смотрела на меня чудными знакомыми глазами и шептала что-то тихое и нежное. Нет сомнения, это Julie, это ее глаза, но как изменилось все остальное!.. Я любил новую, всепоглощающую и бесконечную любовь, и в ней впервые ощутил всю полноту и смысл жизни» [3, с. 471]. Та же ситуация и результат воздействия на героя женского существа — в стихотворении «У царицы моей есть высокий дворец...»: «...молодая весна — // Вся сияя, склонилась над ним // И покрыла его, тихой ласки полна, // Лучезарным покровом своим» [7, с. 62]. Тот же мотив — в «Оке вечности»: «И этот взор так близок и так ясен, — // Глядись в него, // Ты станешь сам — безбрежен и прекрасен — // Царем всего» [7, с. 116].

Если диалоги в воспоминаниях Фета многочисленны и разнообразны, свидетельствуют о состоянии внутреннего мира и характере собеседников, то у Полонского их значительно меньше, зато они предельно откровенны. Соловьев, как и Фет, часто вводит диалог и внутренний монолог, которые отличаются у него, как и у Полонского, особой эмоциональностью, напряженностью (обилие восклицаний) и откровенностью.

Память выступает у всех трех писателей в роли организующего начала повествования, помогает автобиографическому герою реконструировать события в хронологической последовательности. Но в автобиографической прозе Соловьева главной является «память сердца». Намечая историческую ситуацию, он обращается к «памяти эпохи» (наброски образов попутчиков – медика-нигилиста, трупы странствующих французских актеров – и модные темы разговоров – воспитание, эмансипация женщин, необходимость разрушения всего существующего). У Полонского и Фета большую нагрузку несут «память рода» и «литературная память».

Полонский и Фет используют точный временной календарь, у Соловьева он приблизителен («это было в конце мая», «за год перед моею поездкой», «было уже совсем темно», «четыре года после того»).

Таким образом, автобиографический рассказ В.С. Соловьева «На заре туманной юности» дает нам яркое представление о характере его писательской рефлексии посредством этого жанра. Он интересен в художественном отношении. У Соловьева лиризм автобиографического повествования выражен в преобладании эмоций над рассудочным началом. Автор поэтизирует и психологизирует прозаическое повествование, импрессионистически передает впечатления о мире, использует беллетризованную форму, прибегает к приему параллелизма природного и душевного, метафорическому языку. Рассказ свидетельствует о направлении художественных исканий Соловьева 1890-х годов, переосмыслении им предшествующей автобиографической традиции и его вкладе в развитие отечественной литературы и требует, на наш взгляд, более пристального внимания исследователей.

Библиографический список

1. Лукьянов С.М. О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы. Материалы к биографии: в 3 кн. Кн. 1. Пг.: Сенатская типография, 1916. 440 с.
2. Соловьев В.С. Письма Владимира Сергеевича Соловьева: в 3 т. Т. 3 / под ред. Э.Л. Радлова. СПб.: Общественная польза, 1911. 240 с.
3. Соловьев В.С. Смысл любви: Избранные произведения. М.: Современник, 1991. 525 с.
4. Новокрещенных Е.Г. Поэтика автобиографической прозы русских поэтов второй половины XIX в.: А.А. Григорьева, Я.П. Полонского, А.А. Фета: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ: Изд. Бурятского ун-та, 2008. 19 с.
5. Фет А.А. Мои воспоминания // Воспоминания. М.: Правда, 1983. С. 229–468.
6. Полонский Я.П. Старина и мое детство // Проза. М.: Сов. Россия, 1988. С. 268–326.
7. Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. М.: Сов. писатель, 1974. 352 с.

*N.G. Yurina**

**ARTISTIC ORIGINALITY OF AUTOBIOGRAPHICAL PROSE OF V.S. SOLOVIEV
(«IN THE GREEN YEARS»)**

The article is devoted to artistic features of V.S.Soloviev's autobiographical work «In the green years .» In the article the specificity of Soloviev's autobiographical character, artistic originality of his autobiographical narration, traditions of memoirs, which were inherited and were reviewed by the writer is viewed.

Key words: genre of autobiography, memoirs, artistic specificity, literary tradition, autobiographical character, artistic techniques.

* *Yurina Natalia Gennadievna* (makarova-ng@yandex.ru), the Dept. of Russian and World Literature, N.P. Ogarev's Mordovian State University, Saransk, 430005, Russian Federation.